

МБУ «Новолеушковская сельская
библиотека имени И. И. Никонова»

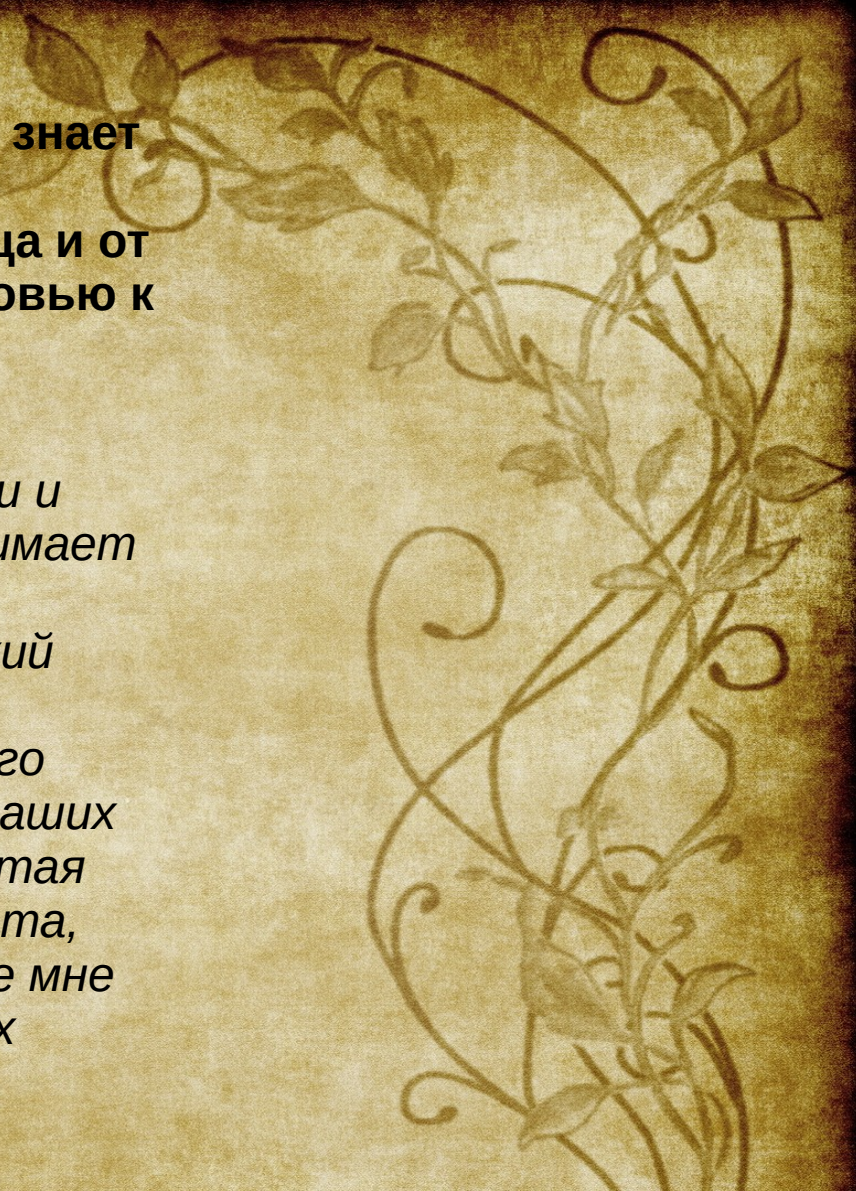
«Образ матери в русской поэзии»

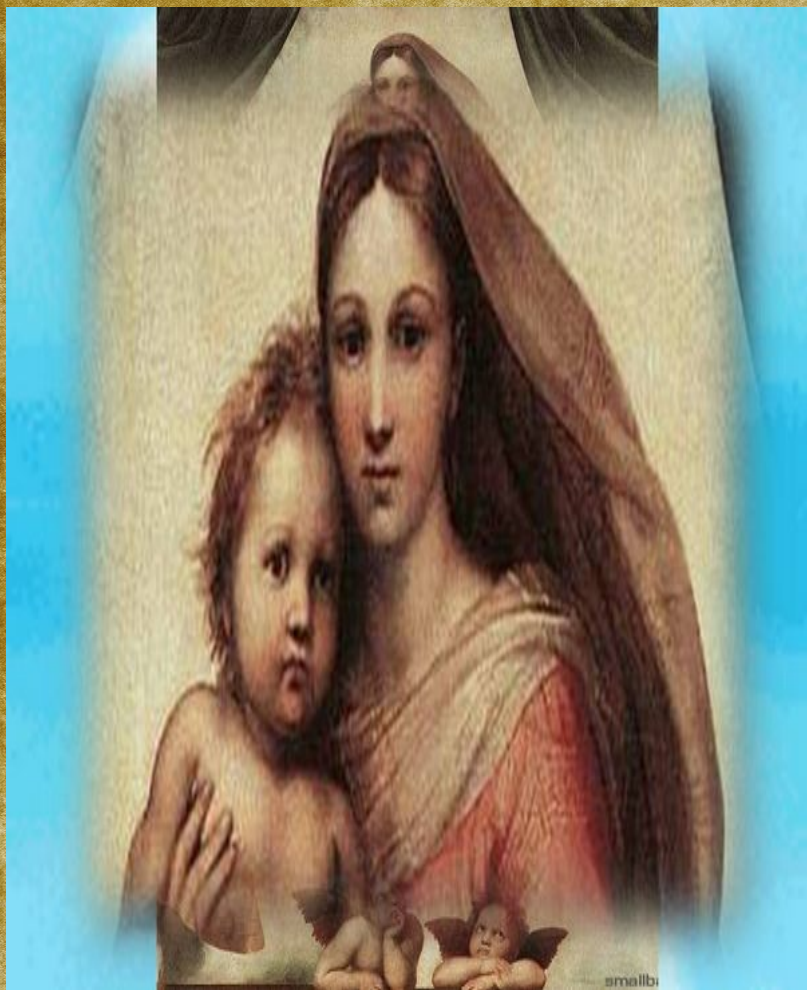
Подготовила
Библиотекарь
Хоровец Л. М.

Восславим женщину - Мать, чья любовь не знает
преград, чьей грудью вскормлен весь мир!
Все прекрасное в человеке - от лучей солнца и от
молока Матери. Вот что насыщает нас любовью к
жизни!

М. Горький

*Образ матери издавна присущ русской поэзии и
русской литературе в целом. Эта тема занимает
важное место как в классической, так и в
современной литературе. Более того, русский
образ матери является национальным
культурным символом, не утратившим своего
высокого значения с древнейших времен до наших
дней. Характерно, что образ матери, вырастая
из образа конкретного человека, матери поэта,
становится символом Родины. В своем блоге мне
хочется остановиться только на некоторых
литературных фактах.*

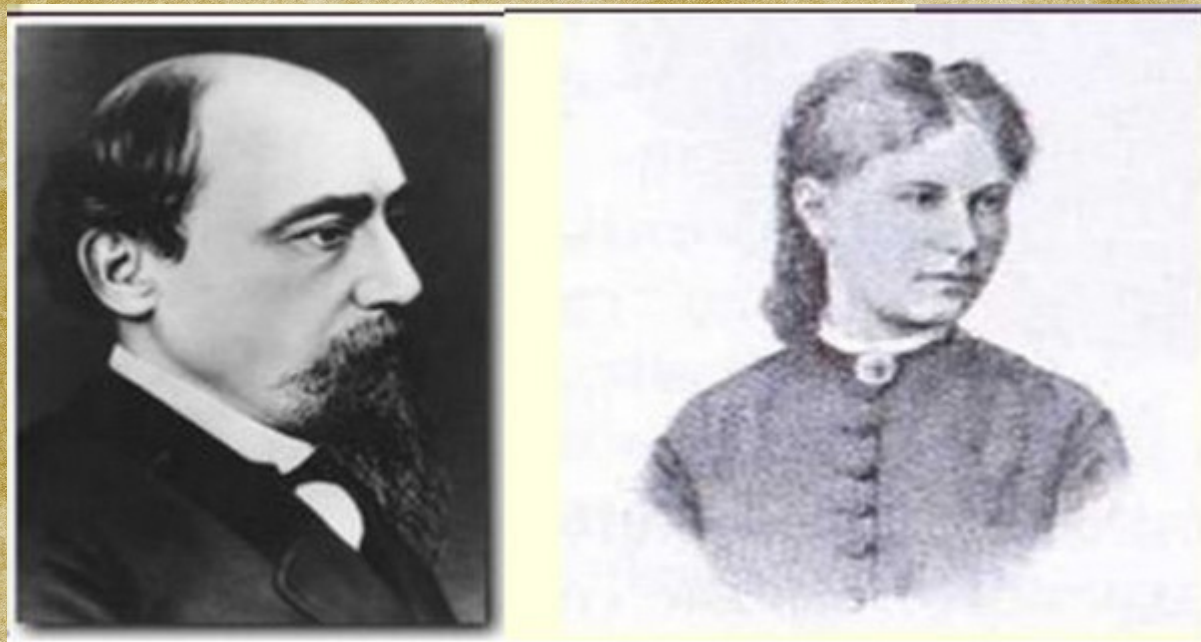

Образ матери, ее любовь к детям появился еще в русском фольклоре. Все мы знаем пословицу: «При солнышке тепло- при матери добро». А потом образ матери как – то потускнел. Даже Пушкин – поэт «золотого века» - не писал о матери. Но вот в литературе появляется поэт «гнева и печали» Н.А. Некрасов, и мы читаем строчки его стихов, посвященные матерям

Внимая ужасам войны,
При каждой новой жертве боя
Мне жаль не друга, не жены,
Мне жаль не самого героя...
Увы! утешится жена,
И друга лучший друг забудет;
Но где-то есть душа одна -
Она до гроба помнить будет!
Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы
Одни я в мире подсмотрел
Святые, искренние слезы -
То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...

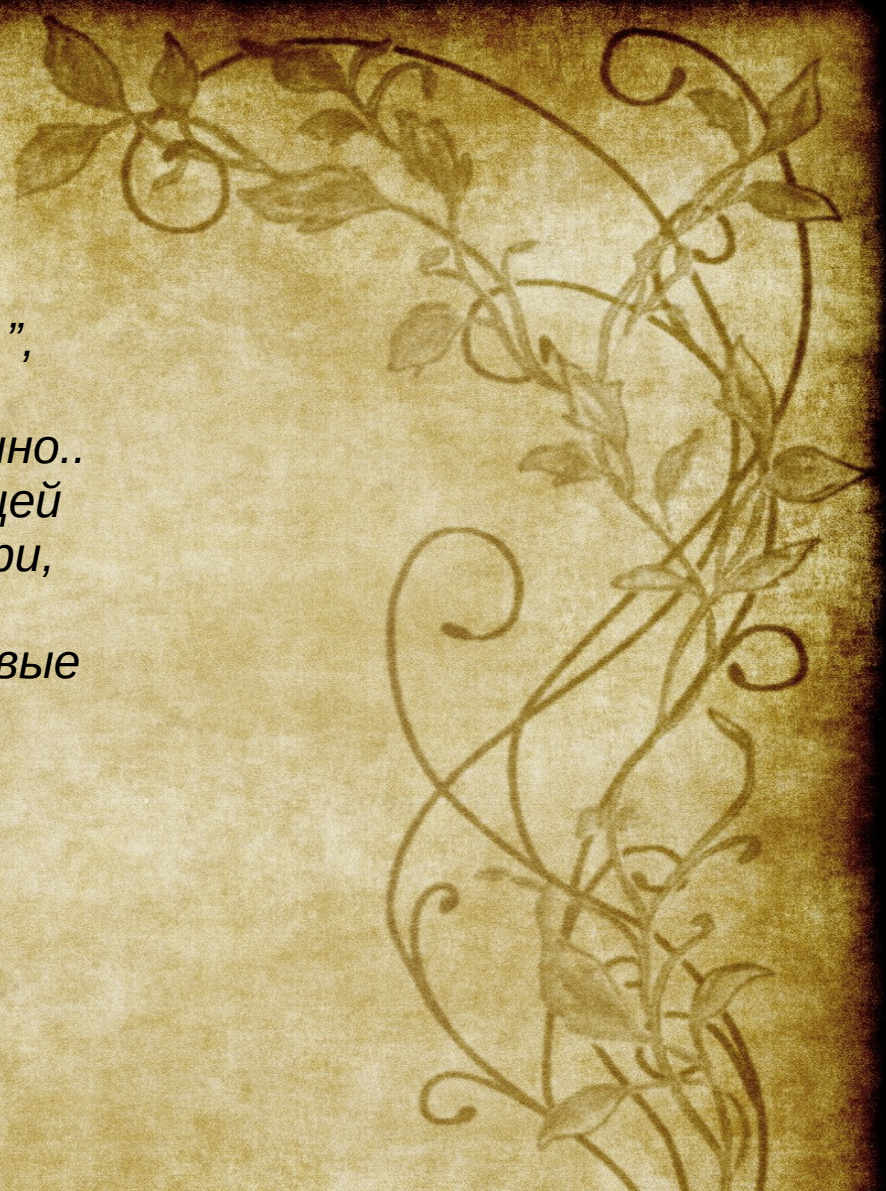

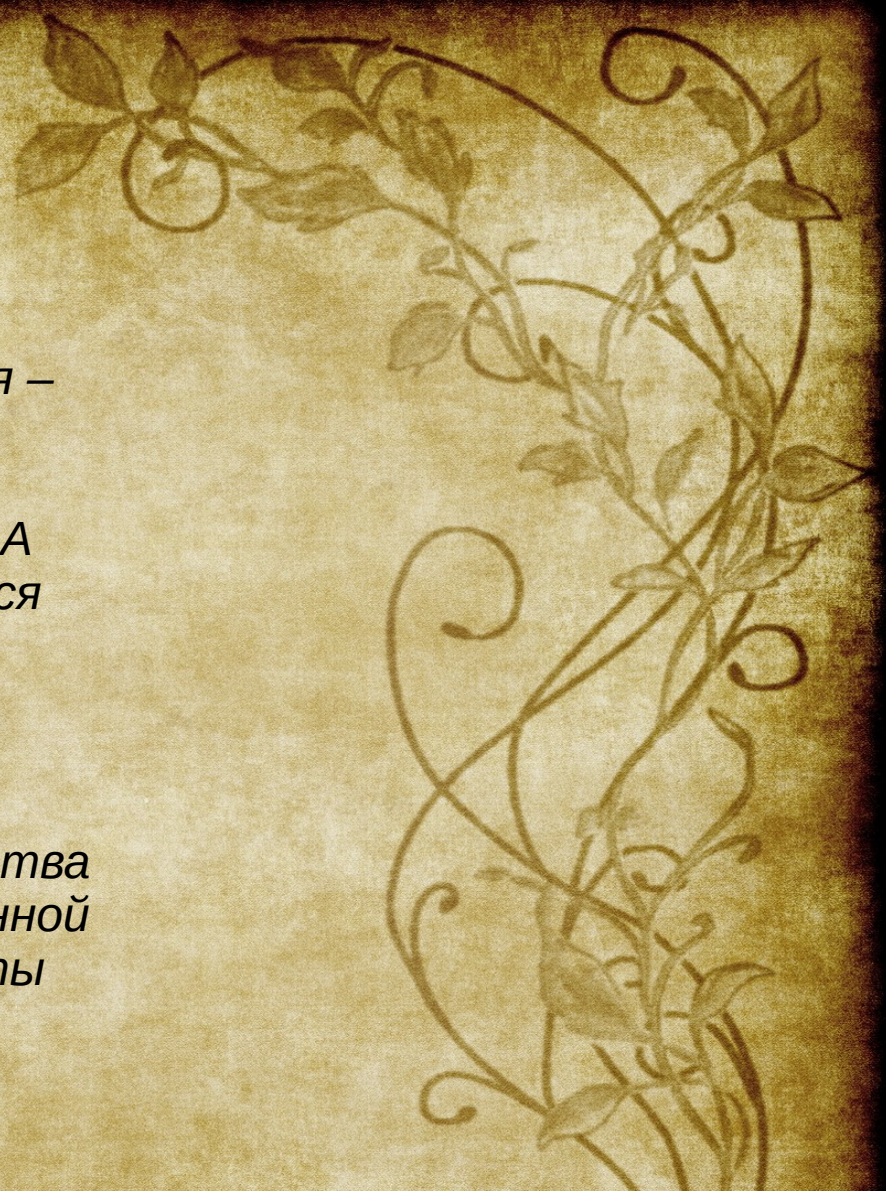
Елена Андреевна Некрасова

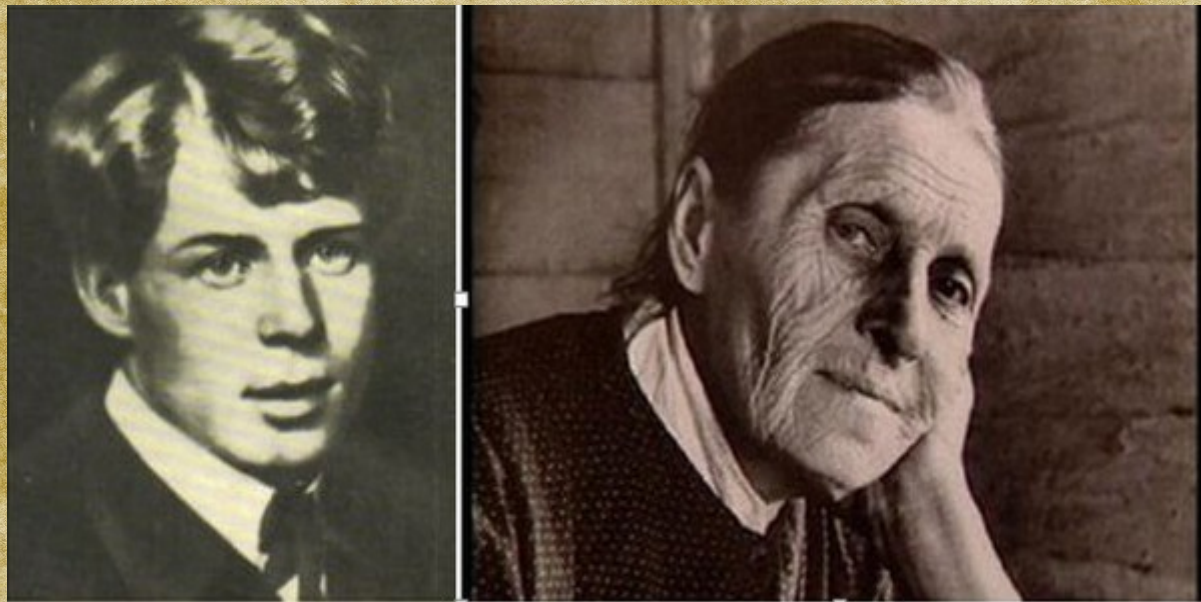
Стихотворение “Внимая ужасам войны...”,
посвящено Крымской войне 1853—1856
годов, но звучит поразительно современно..

Оно напоминает живущим о непреходящей
ценности жизни, кажется, только матери,
дающие жизнь, понимают ее святое
назначение. А безумцы, втягивающие новые
поколения в войны, ничего не хотят
понимать. Не слышат голоса разума.
Скольким российским матерям близко и
понятно это стихотворение:

«Милая, добрая, старая, нежная» мать видится поэту С. Есенину «за родительским ужином». Мать волнуется – сына давно не было дома. Как он там, вдалеке? Сын пытается успокоить её в письмах: «Время будет, милая, родная!» А пока над материнской избушкой струится «вечерний несказанный свет». Сын, «по-прежнему такой же нежный», «мечтает лишь о том, чтоб скорее от тоски мятежной воротиться в низенький наш дом». В «Письме матери» сыновние чувства выражены с пронзительной художественной силой: «Ты одна мне помощь и отрада, ты одна мне несказанный свет»

Татъяна Федоровна Есенина

Полные горести строки из далёкого 19 века напоминают нам о горьком плаче матери, который мы слышим в поэме Анны Андреевны Ахматовой «Реквием». Вот оно, бессмертие истинной поэзии, вот она, завидная протяжённость её существования во времени!

Поэма имеет реальную основу: 17 месяцев (1938 – 1939 годы) Ахматова провела в тюремных очередях в связи с арестом сына, Льва Гумилёва: он арестовывался трижды: в 1935, 1938 и 1949 годах.

. Поэма «Реквием» - это дань памяти тем страшным годам и всем прошедшим с ней этот трудный путь, всем замеченным, всем родным осужденным. В поэме отражены не только личные трагические обстоятельства жизни автора, но и горе всех русских женщин, тех жен, матерей, сестер, что стояли с ней вместе 17 страшных месяцев в тюремных очередях в Ленинграде.

Узнала я, как опадают лица,
Как из-под век выглядывает страх,
Как клинописи жесткие страницы
Страдание выводит на щеках,
Как локоны из пепельных и черных
Серебряными делаются вдруг,
Улыбка вянет на губах покорных,
И в сухоньком смешке дрожит испуг.
И я молюсь не о себе одной,
А обо всех, кто там стоял со мною,
И в лютый холод, и в июльский зной
Под красною ослепшею стеною.

Анна Андреевна Ахматова с сыном. Кресты

Роман «Молодая гвардия» - еще одна веха в истории нашей страны. Герой романа А. Фадеева Олег Кошевой обращается не только к матери, но и ко всем детям, от горя которых «сидят наши матери».:

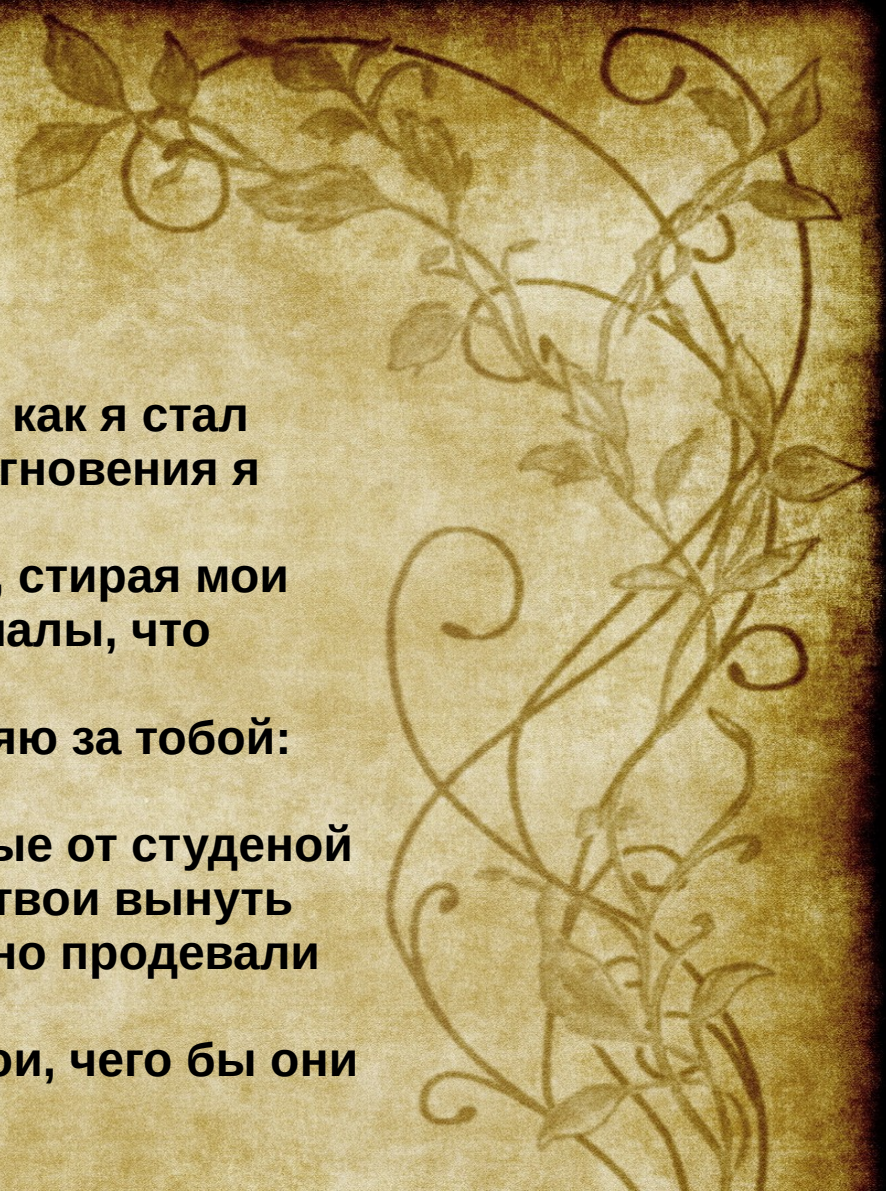
«Мама, мама! Я помню руки с того момента, как я стал осознавать себя на свете. И с того самого мгновения я всегда помню твои руки в работе.

Я помню, как они сновали в мыльной пене, стирая мои простынки, когда эти простынки были так малы, что походили на пеленки.

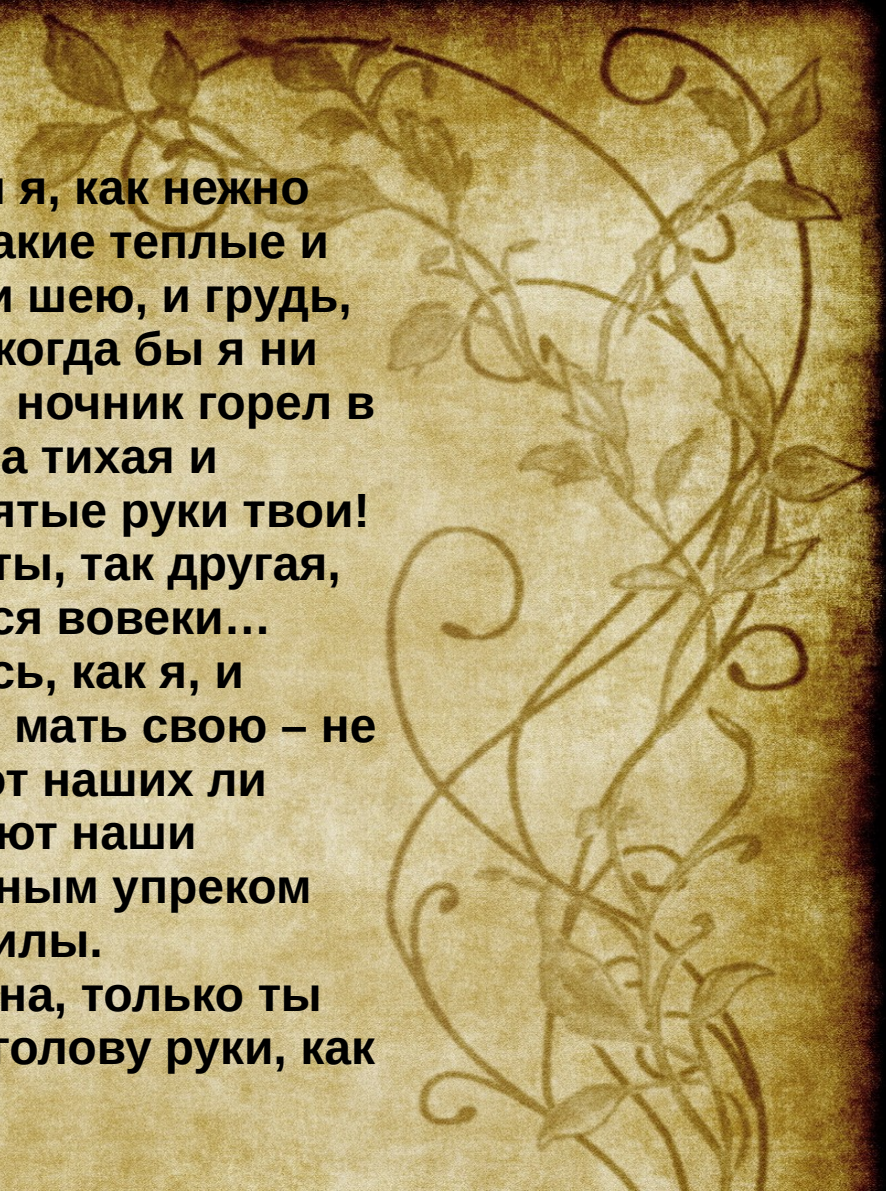
Я вижу твои пальцы на букваре, и я повторяю за тобой: «бе-а-ба, ба-ба».

Я помню твои руки, не сгибающиеся, красные от студеной воды – и помню, как незаметно могли руки твои вынуть занозу из пальца у сына, и как они мгновенно продевали нитку в иголку, когда ты шила и пела.

Нет ничего на свете, что бы сумели руки твои, чего бы они погнушались!

Но больше всего, на веки вечные, запомнил я, как нежно гладили они, руки твои, чуть шершавые и такие теплые и прохладные, как они гладили мои волосы, и шею, и грудь, когда я в полусознании лежал в постели. И когда бы я ни открыл глаза, ты была всегда возле меня, и ночник горел в комнате, а ты глядела на меня из тьмы, сама тихая и светлая, будто в ризах. Я целую чистые, святые руки твои! Ты проводила на войну сыновей – если не ты, так другая, такая же, как ты, - иных ты уже не дождешься вовеки... Оглянись же и ты, юноша, мой друг, оглянись, как я, и скажи, кого ты обижал в жизни больше, чем мать свою – не от меня ли, не от тебя ли, не от него ли, не от наших ли неудач, ошибок и не от нашего ли горя сидят наши матери? А ведь придет час, когда мучительным упреком сердцу вернется все это у материнской могилы. Мама, мама! Прости меня, потому что ты одна, только ты одна на свете можешь прощать, положи на голову руки, как в детстве, и прости...»

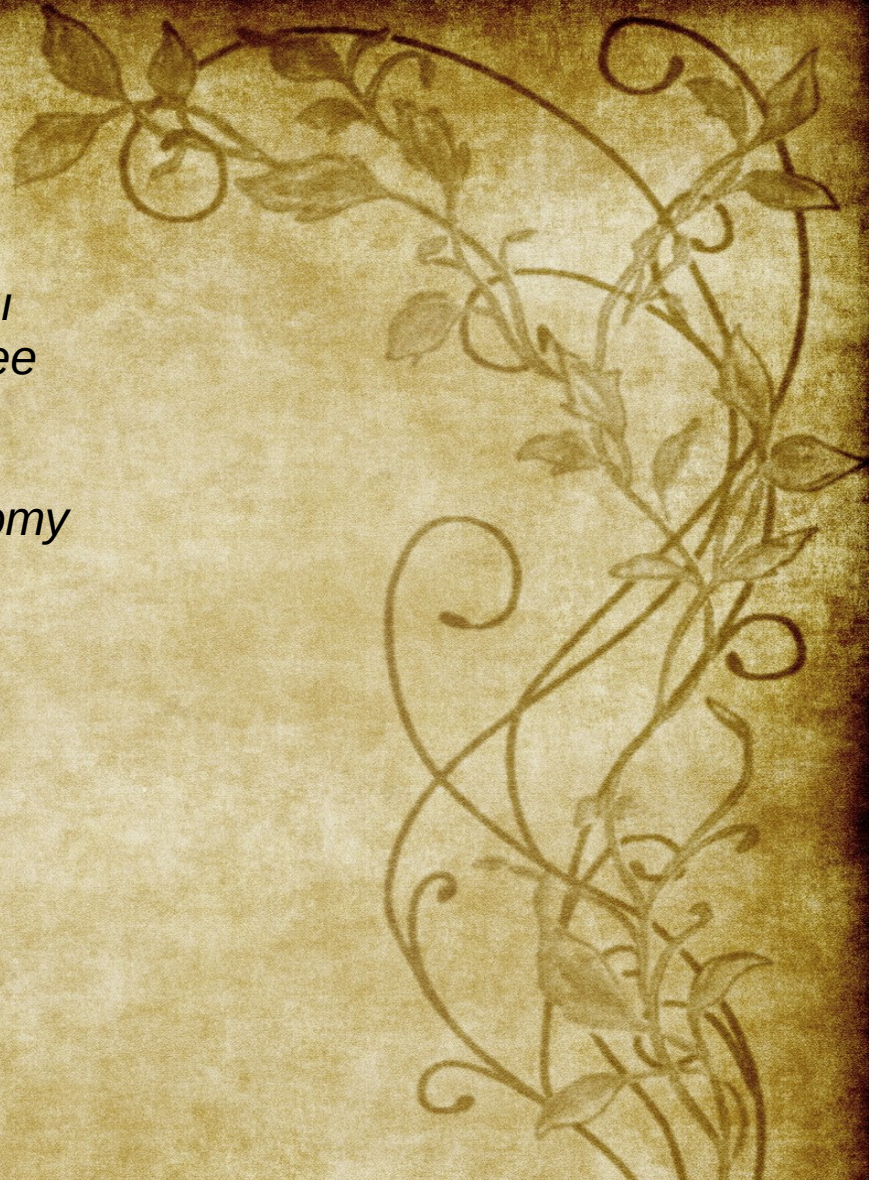

Елена Николаевна, мама Олега Кошевого

Образ матери извечно нёс на себе черты драматизма. И стал выглядеть ещё более трагично на фоне великой и страшной в своей ожесточённости минувшей войны. Кто более матери перенёс страданий в эту пору?

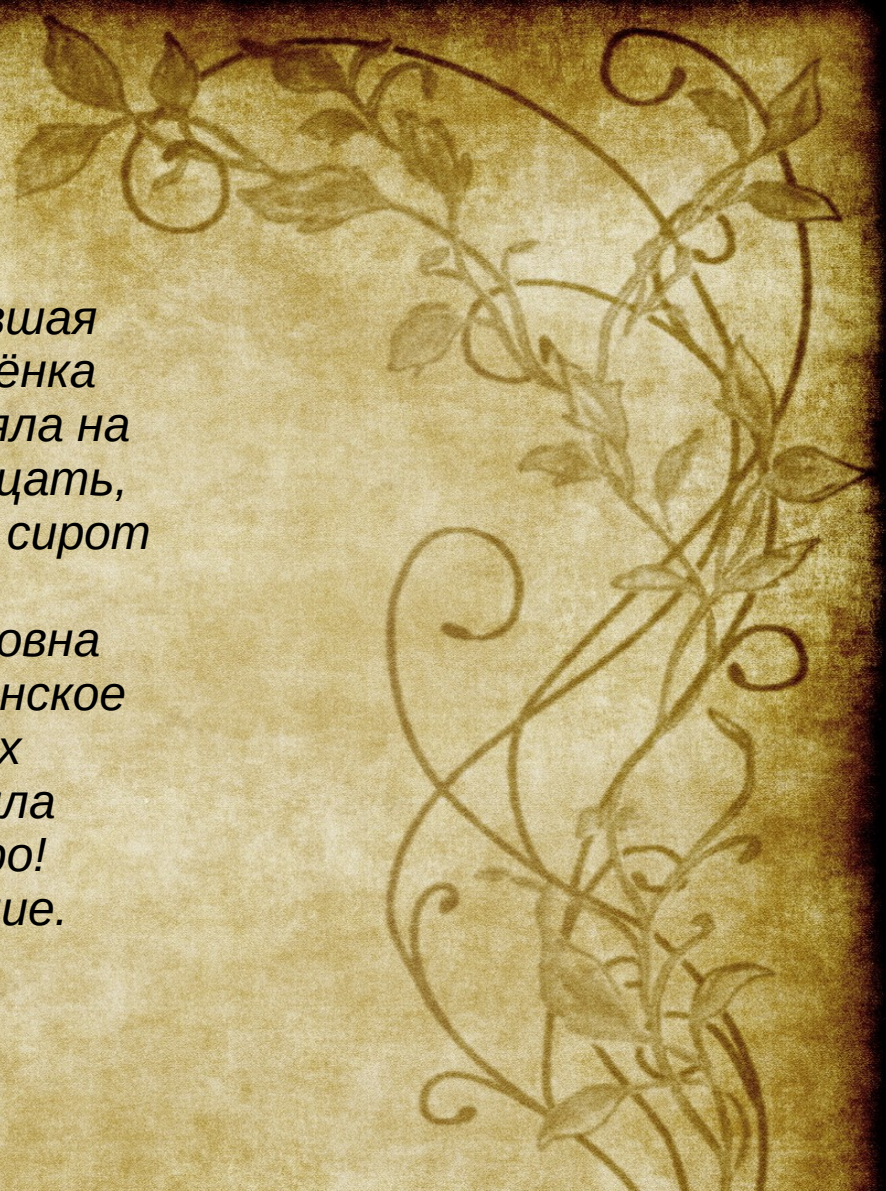
Да разве об этом расскажешь –
В какие ты годы жила!
Какая безмерная тяжесть
На женские плечи легла!
- так пишет М. Исаковский в своем стихотворении..

И ты перед всею странюю,
И ты перед всею войною
Сказалась — какая ты есть

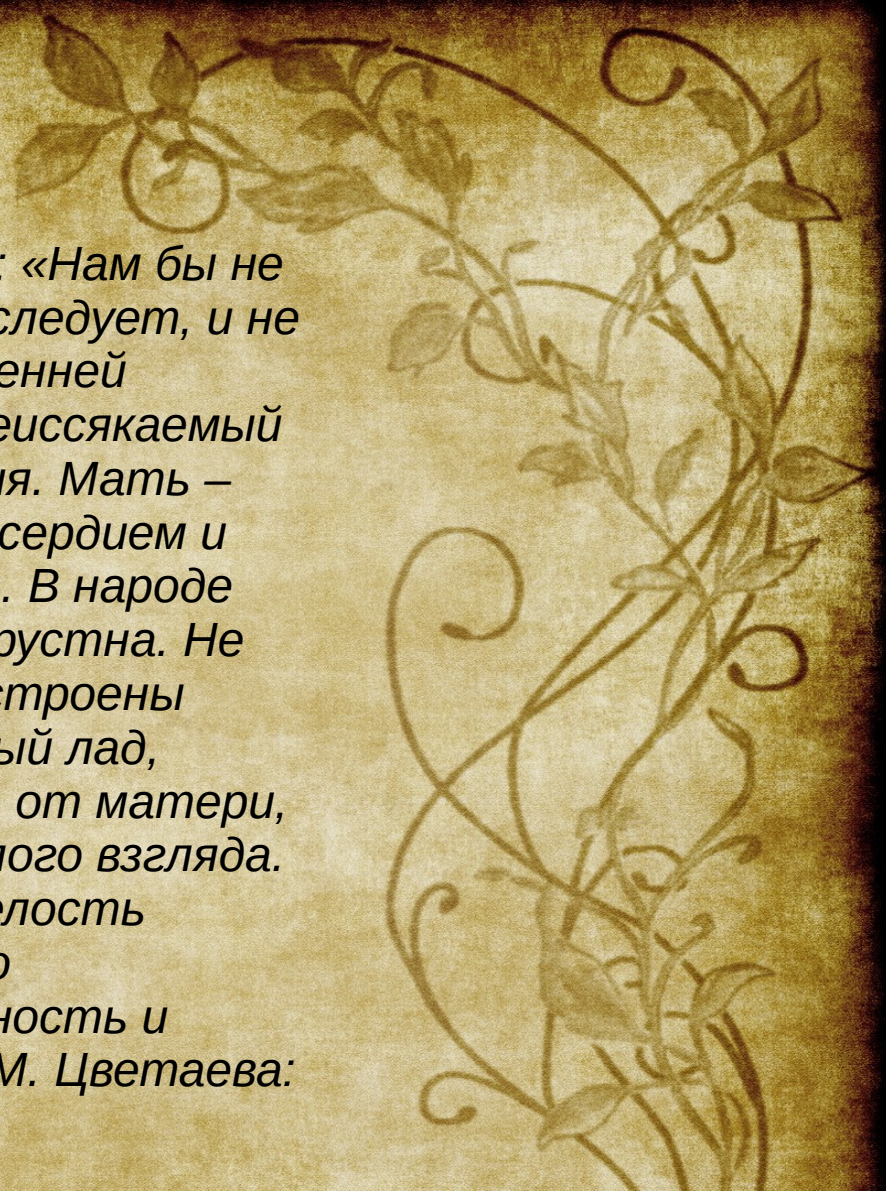
Уникальный пример милосердия дала нам Александра Абрамовна Деревская, воспитавшая 48 детей разных народностей. Первого ребёнка сестра милосердия Сашенька Деревская взяла на воспитание, когда ей едва минуло восемнадцать, — в гражданскую войну. В эти годы тысячи сирот бродили по дорогам. Грянула Великая Отечественная война. И Александра Абрамовна вновь поступала так, как велело ей материнское сердце: она выходила к эшелонам, в которых привозили эвакуированных детей, и приносила самых слабых домой. Спешите делать добро! Способны ли вы возвести в душе своей здание. Милосердия и Добра? Ибо без этого нет человека. Без этого нет женщины.

Александра Абрамовна Деревская

Мудрец нашего века Расул Гамзатов сказал: «Нам бы не только любить, но и молиться за матерей следует, и не потому, что они молятся за нас, а по внутренней потребности». Мать – начало всех начал, неиссякаемый источник добра, всепонимания и всепрощения. Мать – опора земли. Жизнелюбием матери, её милосердием и бескорыстием крепнет и умножается семья. В народе говорят: несчастлива семья, где женщина грустна. Не может быть счастливой и страна, где не устроены семьи, где нарушен или же не создан семейный лад, семейный уют. Благополучие семьи зависит от матери, от её внутреннего состояния, улыбки, тёплого взгляда. По отношению к женщине определяется зрелость общества, а нашей заботой о матерях – его нравственная высота или, наоборот, порочность и духовная нищета. Вот как об этом сказала М. Цветаева:

Склоняются низко цветущие ветки,
Фонтана в бассейне лепечут струи,
В тенистых аллеях все детки, все детки,
Ах, детки в траве, почему не мои?
Как будто на каждой головке коронка,
От взглядов, детей стерегущих любя.
И женщине каждой, что гладит ребенка,
Мне хочется крикнуть: «Весь мир у тебя».
Как бабочки, платица девочек пестры:
Там ссора, там слезы, там сборы домой.
И шепчутся мамы, как нежные сестры:
«Подумайте, сын мой!» - «Да что вы! А мой...»
Я женщин люблю, что в бою не робели,
Умели и шпагу держать, и копье,
Но знаю, что только в плену колыбели
Обычное, женское счастье мое.

